

ЮРИЯ Нагибина читают давно, и в критике хвалят. В последнее время что-то однако переменялось. Опухшая рассудительность, проглядывающая в моей первой фразе, нынче снята, действительно положению вещей не соответствует. Теперь его очередных публикаций ждешь, журналы начинаешь с них. Кажется, что следишь за некоей большой общей работой, контуры ее поначалу не совсем ясны, может быть, даже и автору, но единство явно, и захватывает раз от раза сильнее. Здесь хочется сказать в первую очередь о литературных и искусствоведческих «штудиях» Ю. Нагибина, объединенных рубрикой «Вечные спутники».

Между тем что-то, конечно, менялось и в «обычном» Нагибине. Один пример. В раннем рассказе, в свое время экранизированном, был выведен индивидуалист. Внешняя примета — снабженность разными мелкими собственными вещичками в чехольчиках, словом, несесер. Хозяин несесера был заклеен в качестве «ласкового паразита». В позднейшем рассказе «Капельное сердце» проходит в общем-то сходный характер. Выводы уже другие: «отъединившийся» гибнет, но его при этом жалеют. Автор явно не торопится теперь обличать, его занимает сложность, противоречивость человека, хочется спасти, а не пока- рать.

Но, кроме прочего, «Капельное сердце» вообще не вполне «художественное» произведение — если главным для такового считать вымысел. Оно из цикла автобиографического, где придумывать тоже, наверное, можно, но в общем лучше вспоминать.

Вот эти два ощущения и стоят у истоков «Вечных спутников». Будем вспоминать и будем думать, как все там произошло, а торопиться с ответками не будем — так они получатся убедительнее. Но «там» — уже не в жизни самого автора, а в жизни людей знаменитых и замечательных. Перед нами протопоп Аввакум, Тредиаковский, Пушкин, Дельвиг, Тютчев, Рахманинов (и Скрябин), Лесков, Анненский, Чайковский, Бах, Хемингуэй, Бунин...

НУ, ЧТО тут чувствуешь? Вообще говоря — благодарность. В самом деле, Томас Манн, например, не только из русской литературы, но из одного Достоевского берет мотивы (свидание с чертом), но из русской культуры, в частности, из таинственной дружбы Чайковского с фон Мекк. Мы, конечно, чувствуем гордость, но ведь и неудобство: а как там, собственно, все было? Мы-то, соотечественники, почему ничего толком не знаем?

Есть у него один излюбленный мотив. Лесков, по мнению скромного и доброго акцизного чиновника Крохина, мужа его сестры, «про своих домашних понимает все кривь и вкось». Гениального Эдварда Клифтона, явно срисованного с Хемингуэя, грустно и деловито обманывает Бергамин — простой матадор. Можно вспомнить и юного футболиста Сережу Алексева, чей характер оказался довольно далеким от того, какой вообразился начинающему писателю... В

ожиданное в них — угадано. Это все свойства литературной, художественной уда- чи. Но, конечно же, это не просто персонажи.

Вообще читать про них очень интересно, они увлекают, и писатель этим пользуется иногда в самых парадоксальных целях.

ВОТ появился («Перед твоим престолом») Бах — Иоганн Себастьян, гений и совершенство, — когда его окликнули. Окликнул синдик Швальбе. Синдик так синдик, думаем мы и ждем, ко-

стойны самого внимательно-ного изучения.

Зато потом, «отработав» синдика, писатель получает полную возможность не изображать в подробностях, скажем, Фридриха Великого — в сущности такое же ничтожество — и даже самого «скаредного немецкого бога». Мы увидим, узнаем, полюбим простого и величайшего Баха именно на фоне этой зло очерченной черни.

Сходный в чем-то прием создает повесть «Как был куплен лес». Мы видим об-

че-то несчастье и позор. Вот здесь где-то и лежит главное, что хочется прочесть в новых «штудиях» Юрия Нагибина.

Ибо не столько они изучают гениальность — их, наверное, трудно представить себе в серии ЖЗЛ, слишком они уж субъективны, личностны, — сколько глубокую связь великого и обычного, гениального и человеческого. И тогда «снижения» в каких-то бытовых чертах ничуть, оказывается, не снижают самих великих. Дистанцию, как бы громадна она ни была, писатель стремится преодолеть: для любви, для уважения она не необходима.

Вот об этом-то и разговор. Что, собственно, является самым ценным в сложном и ежечасно усложняющемся мире? На что и как ориентироваться? Что знать и что любить?

ЗАМЕЧАЕТЕ, мы вернулись к тем вопросам, которые ставит и хочет разрешить всякая литература, про крестьян или про горожан, про неизвестных людей или про знаменитых.

Но Ю. Нагибину именно этот характер разговора необходим. Мальчишка из московского двора в Армянском переулке очень хотел «вписаться» в этот двор, чьи духовные ценности вскоре были так жестоко испытаны Великой Отечественной. Однако сам двор — это еще не весь мир. Туда надо внести какие-то не принятые там до поры ценности.

Большое место в рассказах и повестях занимают деятели отечественной культуры, и без всяких дополнительных слов это обогащает, утончает, укрепляет наш патриотизм, как и нашу духовность.

Стремясь сказать что-то не просто существенное, но и на важном для читателя материале, Ю. Нагибин пришел к этой «литературе о литературе». Собственно говоря, он, видимо, с удовольствием рассказывал бы, например, об отце каждого читателя. Представьте, как бы вы прочли книжку о вашем отце? И, не имея возможности рассказать о всех наших личных корнях, он говорит об общих.

А. АРОНОВ.

ВВЕДЕНИЕ В НАСЛЕДСТВО

МНЕ КАЖЕТСЯ, Я ПОДБЕРУ СЛОВА

Ну и вот теперь — после повестей Ю. Нагибина «Как был куплен лес» и «Когда погас фейерверк» — зна- ем. Представляем себе. Или разве достаточно знаком нам прекрасный и мучительный русский поэт Иннокентий Анненский? Даже и стихи его не на слуху, а жизнь вообще какая-то темная. Так и было — до рассказа «Смерть на вокзале». Да и Тредиаковский...

Но, конечно, эта просветительская функция, вероятно, не главная для писателя, да и для нас ею дело не ограничивается, хотя, повторю, за нее благодарить просто необходимо.

Есть творцы, даже значительные, чье дело оставалось для нас напрасным, пока не пришел кто-то другой, соединивший в себе читателя и писателя. Не понимали мы достаточно Кюхельбекера до Тынянова или, скажем, Сирано де Бержерака до Ростана. Ю. М. Нагибин может числить на своем счету несколько благородных воскрешений.

Однако это лишь первая ступень знакомства с новым миром творчества нашего московского прозаика и ее надлежит пройти. Сам писатель, кажется, вовсе не настаивает на безусловности этого мира, скорее наоборот.

общем творец, глубокий в своих творениях, в жизни бывает очень недалеким. Его герои — это именно герои, а не «живые люди».

Но позвольте, а те замечательные люди, о которых пишет сам Нагибин, что же, и они не «настоящие»? Тоже «персонажи», а не люди? Очень может быть. Мы не биографии читаем — а художественную прозу. Да, скорее всего, творцы, изображенные здесь, были в чем-то и не такими. Зато...

И вспоминаются строчки, посвященные Ахматовой Пастернаком:

Мне кажется, я подберу слова,

Похожие на вашу первозданность.

А ошибусь — мне это трын-трава.

Я все равно с ошибкой не расстанусь.

Они убедительны не документальностью. Нет таких документов, которые зафиксировали бы, скрепили подписами и печатами их внутренние душевные движения. Кроме творчества, но ведь его восприятие тоже творчество, процесс неоднозначный.

Убедительны они цельностью, точностью и странно-стью качеств, тем, что не-

да он сгинет, чтобы разглядеть получше Иоганна Себастьяна Баха. Но писатель ничуть не спешит навстречу нашему понятному нетерпению.

Наоборот. Он все больше и настойчивей подсовывает нам синдика, подталкивает его к нам. Мы узнаем, что они с Бахом очень похожи, кроме, правда, выражения глаз и что, надо же, «создатель музыки рисовался согражданам умиротворенным, сонливым бюргером, а коммерсант — вулканом, готовым вспорхнуть огненной лавой».

Обескураженные в своих лучших ожиданиях, мы растерянно знакомимся с домом господина Швальбе, с домоправительницей госпо- дина Швальбе, с необычными свойствами домоправительницы господина Швальбе, и, наконец, с крысами, против которых ведет войну домоправительница.

Ради всего святого, причем тут крысы никому не нужного Швальбе? — уже готовы возопить читатели. Но изысканная композиционная ирония продолжает удерживать наше внимание до тех пор, пока мы не убеждаемся, что да, и синдик, и даже крысы его не-обычны, примечательны, до-

стоятельства с точки зрения купца Жгутова, торгующего лес у вдовы миллионера Надежды Филаретовны фон Мекк. Потом неторопливо добравшись до самой Надежды Филаретовны, до ее острых душевных мук и волнений — и где-то еще остается так и не появляющийся «в кадре» Петр Ильич Чайковский...

Здесь, на этих замедлениях, мы постепенно начинаем понимать. Не в том все-таки дело, сколько нового мы узнали о «вечных спутниках». Знание, даже жадное, нетерпеливое знание, нужно нам, но как средство. Главное — любить их, чувствовать их близость, почти единство с нами.

И Ю. Нагибин порой идет на «снижение». Очень невеликие вещи рассказаны о добром и честном бароне Дельвиге. Нам почти хотелось бы так и не узнать этих оскорбительных подробностей. Но писатель неумолим. Если мы увидим, что горестная судьба никак не унижает самого поэта, — вот тогда он будет удовлетворен. Может быть, брезжит слабая догадка, дело даже не в Дельвиге? Может быть, теперь мы будем внимательнее, и добрее, и точнее в оценках, не будем путать